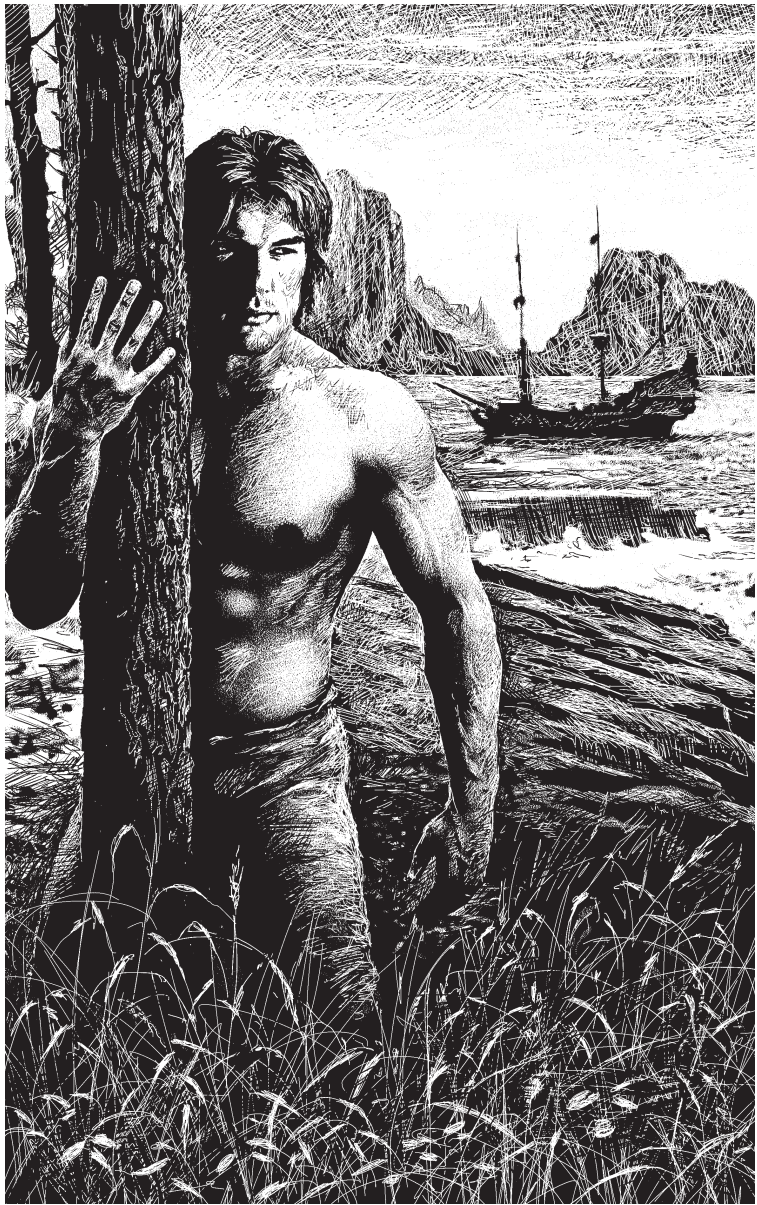

Книги Владимира Корна
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АРТУА. ЗОЛОТО ВАЙХОВ
АРТУА. ЗВЕЗДА ГОРНА
АРТУА. УЧЕНИК УЧЕНИКА
АРТУА. БЕРЕГ СКАРДАРА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР КОРН

АРТУА.
БЕРЕГ СКАРДАРА

РОМАН

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство А.П.ФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 792

Художник
В. Федоров

Корн В.
К67 Артура. Берег Скардара: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 375 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1275-4

Отправив в другой мир, судьба одаривает всех по-разному. Кому-то она дает уникальную память, кому-то магические способности, кому-то способность к быстрой регенерации, а кого-то вживляет в новое тело. Артуру не повезло, и ему досталось лишь обостренное чувство справедливости. А если добавить к этому талант как магнитом притягивать к себе проблемы и неприятности, то спокойной жизни не жди.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1275-4

© Владимир Корн, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Глава 1

ЛЮБИМЕЦ СУДЬБЫ

Болело все: руки, ноги, живот, спина, ребра... Но больше всего болела голова. Зубы, слава богу, целы, я проверил языком, только два из них заметно шатались.

А вот левый глаз открываться отказывался. Да, не очень удачно получилось всего за неделю до свадьбы.

Острая боль в боку от удара совпала с вопросом:

— Ну и долго ты собираешься валяться?

Сейчас встану. Больно же. Осиротевшим глазом я видел доски палубного настила, должен признать, довольно чистые, и чьи-то ноги, в высоких сапогах или босые. Сколько их? Две, четыре, восемь...

Черт, да что же это такое! Очередной удар пришелся по тому же боку. Нужно вставать, иначе забьют насмерть, ироды.

Палуба уходила из-под ног, и вовсе не из-за качки. Я провел ладонью по левому глазу, вытирая кровь со слипшихся ресниц. Цел глаз, цел, а это уже пусть маленький, но повод для оптимизма. И куда мне с такой физиономией на собственную свадьбу? На чужой в подобном виде бывать приходилось, не думал, что и на своей случится.

Так, и что тут у нас? Двухмачтовый парусник, такие здесь катласами называются. Косое парусное вооружение, очень маневренный и довольно ходкий. Идет круто к ветру, вон сколько парусов зарифлено.

Человека, стоявшего передо мной, я видел в первый раз. Роста высокого, кучерявая борода, улыбка во весь рот. Только вот эта самая улыбка мне отчего-то совсем не нравится, нет в ней никакого радушия. Ничего, разберемся.

— Что, благородный ты наш, не нравится?

Еще бы, конечно нет. Кому же такое обращение понравится? Я за собой склонности к мазохизму никогда не замечал.

Сейчас мы спокойно поговорим и, надеюсь, договоримся. Моя любимая не какая-нибудь там прачка или булочница. Если проблему невозможно будет решить при помощи золота, найдутся и другие рычаги воздействия. Любой человек чего-нибудь боится, а возможности у моей будущей супруги... Так что непременно рычаги найдутся, нисколько в этом не сомневаюсь.

И я сказал, устремив свой одноглазый взор за его спину:

— Грота-брасы прослабли.

— Чего? — От неожиданности мой собеседник посмотрел туда же, слегка обернувшись.

Грота-брасы действительно прослабли, корабль менял курс, ложась на другой галс, так что я не лгал.

Очень трудно, почти невозможно, находясь в такой позе, как была сейчас у моего собеседника, равномерно распределить вес на обе ноги: даже если очень стараешься это сделать, одна нога все равно будет опорной. Вот поэтому я и обратил внимание бородача на такелаж — удар в колено опорной ноги чреват тяжелой травмой, и в тот момент я мечтал именно о том, чтобы эту самую травму нанести.

«Приятно, когда мечты сбываются», — пронеслось в голове.

Не стану я с вами договариваться, выкупая себе свободу, и вовсе не потому, что мне жалко золота. Разве можно любить мужчину, прячущегося от своих проблем за женскую спину?

В воду я вошел боком, не успев сгруппироваться. Не беда, тут и лететь-то меньше двух метров.

Вдоль любого борта идущего корабля существует три зоны. По носу и корме вода отталкивает, а посередине, на миделе, обратный эффект. Впервые это обнаружили, по-моему, англичане, когда два их паровых корабля столкнулись, оказавшись в простейшей ситуации: один решил обогнать другого, пройдя на минимальном удалении. Внезапно нос обгоняющего резко повело в сторону, в результате чего и произошло столкновение. Впрочем, парусники так близко не сходятся, мешают рангоут.

Почему я об этом вспомнил? Да потому что мне предстояло проплыть под катласом. Парусник, следовавший против ветра, имел минимальный ход, поворачивал корабль в мою сторону, так что со своей задачей я справился блестяще и да-

же изловчился не задеть заросшее ракушками и водорослями днище, иначе мог бы сильно оцарапаться. Понятное дело, ранки были бы не серьезные, но акул в здешних морях как килек в банке, и это не хорошо, а очень даже плохо. Обоняние у этих рыбок — ищейка от зависти удавится, и даже на едва уловимый запах крови они явятся незамедлительно.

Вероятно, именно из-за акул мне и удалось так легко покинуть корабль, прыгнув за борт, ведь никому и в голову не могло прийти, что можно пойти на такой риск добровольно. Да вот только выбора у меня не было.

Яна была категорически против моей поездки в Монтарно, вероятно предчувствуя что-то недоброе, но мне все же удалось ее убедить. «До свадьбы целых три недели, и времени мне хватит с лихвой. А этот человек мне нужен, очень нужен», — убеждал я ее.

И что в итоге? Меня, наверное, вернули бы невесте: если бы не прельстились золотом, так ведь существуют и другие способы убеждения. И предстал бы я перед своей любимой с разбитым лицом и заплывшим глазом. «Извини, свет моих очей, — сказал бы я, — такой вот у меня мальчишник получился». Нет уж, лучше к акулам за борт.

Кстати, купание благотворно повлияло на зрение, теперь я видел и вторым глазом. Правда, только через узкую щель. В следующий раз, если будут подобные проблемы, выберу местечко, где этих зубастых тварей побольше, и опять сигану за борт...

Удача мне благоприятствовала, потому что я сумел ухватиться за перо руля. Кормовой подзор надежно защищал от любопытных взоров сверху, и у меня появилось немного времени на то, чтобы определиться со своими дальнейшими действиями. Самое простое — добраться до шлюпки, которая следует за катласом на буксире, — там, как и положено, есть неприкосновенный запас воды и пищи. Только с подобными маневрами лучше подождать до темноты. Расстояние невелико, да и легкая зыбь поможет скрыть голову плывущего человека. Находясь на палубе, я заметил, что шлюпок на боканцах нет и та, которую сейчас буксируют, — единственное спасательное средство на катласе.

Правда, есть одно большое но.

Перед тем как прыгнуть за борт, я успел заметить лежа-

шего у фальшборта человека со связанными за спиной руками. И эта спина была мне очень хорошо знакома. Много раз она маячила передо мной, прикрывая от опасностей. Так что нет мне ходу, точнее сказать, плавания к шлюпке.

Уцепившись двумя руками за руль и выждав еще немного, я вскарабкался по буксирному канату на кормовую надстройку. Удалось это мне достаточно легко. Один из иллюминаторов был приоткрыт, и это тоже иначе как удачей не назовешь. В каюте капитана, занимавшей весь ют корабля, царил полумрак. Сюда я и стремился попасть.

А вот и он, хозяин, беззаботно спит, укрывшись одеялом почти до подбородка. Вряд ли на корабле пользуются капитанской постелью по очереди, так что сомнений быть не должно. Спи, зайчик, спи, а я постараюсь найти пару подходящих предметов для того, чтобы сделать твое пробуждение наиболее радостным.

Удача по-прежнему была на моей стороне. На одном из столов лежали вещи, которые я привык постоянно иметь при себе. Пистолет работы Гобелли, шпага толейской стали и «Уродец». Нет, сейчас он был уже не «Уродцем», назовем его лучше «Последним шансом», так будет правильнее. И держал я его при себе только в последнее время.

Обстановка каюты не впечатлила. Много дорогих вещей и предметов, но подобрано все весьма безвкусно. Нет, я и сам не являюсь эталоном вкуса, но у меня хотя бы хватает ума проконсультироваться в случае необходимости.

А вот задвижка на дверях отличная, к ней никаких претензий нет. Мощная, впечатляющих размеров, да еще и выполненная в виде диковинного морского зверя. Поскольку дверь открывается наружу, то засов остается только рубить, что вполне меня устраивает. На этом экскурсию можно заканчивать.

Рывком скинув с постели храпящего хозяина, я уселся ему на спину, обхватил его рукой за шею и приставил к горлу кинжал. Вот тебе и раз! Он, оказывается, даже проснуться не соизволил. Ковер, что ли, для этого нужно было убрать? Мягкий такой, пушистый, с длинным ворсом, видно, очень дорогой, только уж больно замызганный. Ладно, тем проще. Теперь, с надежно связанными за спиной руками, владелец каюты стал частью моего далеко не идеального плана.

Капитан пробурчал что-то недовольное. Вот же сон у человека, даже позавидовать можно. Это сколько же нужно было выпить? Судя по тяжелому запаху перегара, очень и очень немало.

Покрывало на постели зашевелилось. Держа кинжал наготове, я подскочил к кровати и сдернул одеяло. Огромными от страха глазами на меня смотрела девчонка, совсем молоденькая, раздетая, сжавшаяся в комочек.

— Ты кто?

От моего вопроса она сжалась еще больше. Ну да, могу себе представить, вид у меня тот еще. Слипшиеся от крови волосы, лицо разбито, один глаз заплыл, а в руке кинжал почти полметра длиной. Еще и голос хрипит — угодили все-таки мне ногой в горло, хоть я и старался прикрывать его как мог.

— Мириам. Меня хозяин в Гостледере купил. Привел на корабль и приказал в каюте сидеть. Потом он пришел пьяный и велел раздеться, а сам заснул.

Голос у девчонки прозвучал тоненько, прямо писк какой-то, а не голос.

Гостледер в Монтарно — порт большой, можно сказать огромный. Там я по голове и получил, перед тем как на этом корабле оказаться. А то, что в Монтарно до сих пор существует работорговля, — это для меня не новость.

— Быстро одевайся!

Мириам промелькнула мимо меня с похвальной скоростью.

«Славная фигурка, — успел отметить я. — Даже удивительно для девочки ее возраста».

Взрыв хохота, донесшийся с верхней палубы через открытый иллюминатор, напомнил мне, что следует торопиться. Мириам, уже полностью одетая, застыла, прижав руки к груди и испуганно глядя на меня. Так, и что мне с ней делать? С собой нельзя, а если здесь оставить, еще надумает освободить хозяина. А убить его я не могу, он мне живым нужен.

— Не вздумай его развязывать! Если придет в себя, стукни его по голове чем-нибудь тяжелым. Все понятно? — со всей доступной мне строгостью инструктировал я Мириам. Та только кивала головой, слушая мои указания.

Оторвав кусок ткани от простыни, я повязал косынку.

Нужная вещь — волосы все еще мокрые, и в любой момент капли воды могут попасть в глаза. А мне это совсем не с руки: левый глаз до сих пор открыт всего-то процентов на тридцать. Так, за пояс заткнем «Уродца», шпагу возьмем в зубы, в левую руку — пистолет Гобелли, в правую — ствол хозяйина каюты. Все, пора.

Нет, шатающимися зубами больно шпагу держать, придется часть клинка обмотать тканью. Вот теперь точно все.

В небольшом проходе, ведущем к двери, которая выходила на палубу, никого не оказалось. По обеим сторонам — соседние каюты, но мне сейчас было не до их обитателей, не зачистку делаю. В двери, выходящей на палубу, иллюминатора не было, а сама она открывалась наружу. Разумно, где тут в спешке ручку искать, не дай бог пожар. На корабле это самое страшное и сейчас, и в будущем. Кому как не мне об этом знать, если я сам из этого самого будущего.

К месту вспомнилась и шутка, тоже из моей другой жизни: раньше были деревянные корабли и железные люди, сейчас корабли железные, а люди, увы, деревянные. Только ко мне это не относится, сейчас я сплав из железа с никелем. Вперед.

Через щель в приоткрытой двери я мог наблюдать следующую картину. На шканцах в окружении десяти человек стоял Проухв. И я второй раз в жизни увидел его разъяренным. Правду сказать, было отчего прийти в ярость: все окружавшие его люди держали в руках клинки, и, стоило Проухву повернуться в какую-либо сторону, как он тут же получал укол сзади. По Прошкиным штанам текла кровь. А чуть дальше на бочке сидел человек, который сегодня, похоже, пополнил ряды хромцов. Пират болезненно морщился, поглаживая колена, а мое сердце наполнялось радостью — получилось. Но боюсь, что забава скоро ему надоест, и он махнет рукой: все, мол, заканчивайте.

Сейчас я и сам выглядел как типичный корсар: босой, с косынкой на голове, с зажатым в зубах клинком, с пистолетами в обеих руках и почти одноглазый. Шагнув на палубу, я стремительно приблизился к стоявшему ко мне спиной ближайшему пирату, приставил пистолет к его правому боку и нажал спуск. Выстрел прозвучал глухо, но его услышали все.

— Бах! — рывкнул «Гобелли» в его соседа, так и не успевшего до конца повернуться на звук выстрела.

Еще один, рыжеволосый верзила, среагировавший на происходящее с похвальной быстротой, уже летел ко мне с короткой абордажной саблей. А зря... Просто ему с его места не было видно, что пистолет-то двустольный, с вертикальным расположением стволов.

Когда я направил на него дуло, пират изменился в лице. Только бы не осечка, иначе конец, меня уже ничто не спасет. Рыжий попытался затормозить. Поздно. Пуля вошла в середину груди, отбрасывая пирата назад.

Теперь очередь «Последнего шанса», и если он не поможет...

— Раз! — заорал я на родном языке, потому что все остальные вылетели из головы, когда следующий враг, получив пулю, схватился за живот и согнулся пополам. — Два! — Я отправил очередную пулю в спину убегающего пирата. — Три! — И этот выстрел не прошел мимо.

Методика такой стрельбы весьма проста, но в этом мире ее еще предстоит создать. Само оружие является продолжением руки, а его ствол становится вытянутым указательным пальцем, и тогда достаточно указывать таким вот удлинненным пальцем на противника. Промахнуться с расстояния нескольких метров сложно, если только не страдаешь нарушением координации движений в результате психического заболевания.

— Четыре! — прокричал я в толпу шарахнувшихся от меня матросов катласа, выбрав самого толстого, чтобы наверняка не промахнуться. Понять их ужас можно, не должен пистолет с одним стволом стрелять четыре раза подряд.

А их уже ждал Прошка, подхвативший вымбовку после моего третьего выстрела. Конечно, деревянный рычаг не был похож на его любимый балот, но это уже ничего не значило. Еще после первого моего выстрела он схватил одного из пиратов, подняв его как мальчишку над головой, и попросту выбросил за борт. Теперь же он крушил обидчиков вымбовкой, сполна вымещая свою ярость.

Я же, готовый подстраховать Прошку на тот случай, если кто-нибудь попытается ударить в спину, застыл со шпагой и револьвером, в котором оставалось всего два заряда. Но же-

лающих рискнуть не находилось: объятые ужасом люди стремились спастись от гнева Проухва.

Дверь, ведущая в кормовую надстройку, распахнулась от сильного удара ногой, и на свет показался хозяин этого корабля с абордажным топором в руках. Лицо его было искажено от ослепляющей ярости, и сразу становилось понятно, почему капитан здесь именно он — пират явно не собирался по примеру своей команды метаться в ужасе по палубе или карабкаться по вантам на мачты.

— Восемь! — таков был мой очередной рев, и я сам не смог понять, почему именно эта цифра пришла мне в голову. «Наверное, восемь — это мое счастливое число», — пронеслась глупая мысль, когда между глаз капитана образовалась аккуратная черная дырочка. Жаль, конечно, очень жаль — хозяин занимал в моих планах основную роль. А из мертвеца очень плохой, прямо скажем, на редкость отвратительный заложник.

И теперь, похоже, придется трудно, ведь на верхней палубе находилась только часть команды катласа. А ведь были еще и подвахта, и отдыхающая смена, помещавшаяся где-то там, внизу, на жилой палубе корабля. И этим людям не потребуется много времени, чтобы разобраться в ситуации и понять, что все не так уж страшно, что нас всего лишь двое, а в моем револьвере остался один патрон.

Держа наготове шпагу, я взлетел на полуют, туда, где находился штурвал. Там должен быть рулевой, вахтенный офицер, или как он тут называется. Но, к моему удивлению, мостик оказался пуст. За кормой корабля раздался вопль. Недалеко, в кильватерной струе, виднелась голова плывущего человека, а вокруг кружили черные плавники акул. Затем все скрылось в розовой пене.

Человек исчез, в последний момент вытянув из воды руку, будто пытаясь ухватиться ею за низкое хмурое небо. Я даже вздрогнул, на секунду представив, что на его месте мог быть и я.

Корабль, оставшийся без рулевого, сносило под ветер.

— Прощка, ко мне! — заорал я снова на родном языке. Но слово «Прощка» понятно и без перевода, а уловить смысл команды можно и по моему требовательному реву. Проухв в два прыжка преодолел все восемь балясин трапа и встал ря-

дом со мной, весь заляпанный своей и чужой кровью, все еще держа в руках обломок вымпловки, свежеекрасенный в красный цвет. — Подтягивай, — указал я ему на канат, волочивший шлюпку на буксире. Прощка сильнее, поэтому и подтянуть ее к борту у него получится значительно быстрее.

Сам я встал у единственного трапа, ведущего на мостик. Какое-то время у меня получится сдерживать команду, которая пока находится под впечатлением от пистолета, что может стрелять много раз подряд. Но когда пираты догадаются пустить в ход и свое огнестрельное оружие, все, пиши пропало.

Внезапно раздался душераздирающий скрежет и треск, и палуба стремительно ушла из-под ног. Падая, я выпустил последний заряд в такое близкое небо. Корабль начал стремительно крениться на левый борт.

«Налетели на подводные скалы», — мелькнуло в голове, которой я при падении успел здорово приложиться к нактоузу, когда попытался встать на ноги. А корабль продолжал крениться, и было слышно, как через пробоину в его чрево проникает вода. В трюмах что-то прогромыхало, похоже, сместился груз, и от этого катлас начал заваливаться на бок еще быстрее. Из дверей кормовой надстройки выползла Мириам, оглушительно визжа от страха.

Девочка, а я ведь совсем про тебя забыл.

— Ваша светлость, — послышался рев Проухва. — Быстрее, сюда.

Так, шлюпка у борта, и если сейчас ее не займем мы, то она достанется хозяевам.

Корабль уже касался воды ноками рей. Сейчас он достигнет точки неустойчивого равновесия — и все, на ровный киль ему уже не встать. У катласа останется только один путь — перевернуться вверх дном. У нас это называется оверкиль, а как здесь — не знаю.

Мириам пролетела по наклонной палубе к самому фальш-борту, и, не будь его, свалилась бы в воду, туда, где мелькали стремительные тени акул и разрезали воду плавники хищников.

Сейчас, девочка, сейчас, мы ни за что тебя здесь не оставим. Ухватив все еще визжащую девушку за ворот, я чуть ли не волоком потащил ее за собой. Прощка был уже в шлюпке

и бешено вращал глазами в поисках чего-либо, чем можно перерубить канат. Но ничего такого не потребовалось: морские узлы тем и отличаются от всех остальных, что надежны, легко вяжутся и их быстро можно распустить при необходимости. Местный узел ничем не отличался от знакомых мне по прежнему месту жительства на планете Земля.

— На весла! — заорал я ему уже на общеимперском, отталкивая шлюпку от гибнувшего корабля. Не хватало еще, чтобы по нам стрелять начали, ведь мы сейчас совсем рядом. Не сомневаюсь, пиратам сейчас не до этого, но я привык, что моя судьба всегда выбирает самый плохой сценарий.

Хрясь — и в руках Проухва оказались две половинки весла. Черт возьми, ты хотя бы немного соизмеряй свою силу с тем, что попало тебе в руки.

Ничего, шлюпка четырехвесельная, и грести я умею.

— Держи румпель прямо! — Это уже снова Прошке. Вот же моряк чертов, уж такие-то слова он должен знать. Очень трудно грести и держать нужное направление, когда перо руля почти прижато к транцу кормы.

— И-и-и раз, и-и-и раз, — командовал я сам себе, работая веслами и глядя на удаляющуюся корму катласа. На накренившейся корме корабля золотом горели буквы — «Любимец судьбы».

Глава 2 БУКАШКА

Я сидел у ярко горящего костра, орудуя шомполом и заряжая нижний ствол пистолета. Хороший боцман был на «Любимце», хозяйственный. В шлюпке имелось все, что необходимо потерпевшему кораблекрушению моряку. Запас воды в деревянном бочонке — анкерке, сухари, похожие на галеты, какой-то мясной концентрат, напоминающий пеммикан, соль, рыболовные снасти и даже порох с палочками свинца. Как же все это кстати!

Небо по-прежнему хмурилось, но Проухв успел соорудить шалаш из съёмной мачты, паруса, весел и нарубленных похожим на мачете тесаком жердей, найденным там же, в шлюпке.

Над огнем весело бурлил котелок с рыбной похлебкой, вокруг которого хлопотала Мириам. Время от времени девушка

поглядывала на меня, но я старательно делал вид, что не замечаю ее взглядов. Котелок тоже нашелся в шлюпке, так же, как и багор, припасенный совсем уж непонятно для каких целей.

Наверное, мы поступили не совсем правильно, лишив терпящий бедствие корабль единственного средства спасения. Но совесть меня совсем не мучила, с чего бы вдруг? Не давал я своего согласия погостить на его борту, тем более получив по голове вместо пригласительного билета.

Все же глупо вышло в Гостледере, очень глупо. Прибыл я туда якобы в поисках одного человека, талантливого кораблестроителя — так мне пришлось объяснить Янианне свою отлучку перед самой свадьбой. И такой человек действительно был. Может быть, и не Крылов, но для своего времени корабел выдающийся.

В Гроугенте, крупнейшем морском порту Империи, была у меня собственная верфь. Строить корабли мне хотелось давно, но не такие, которые были бы похожи на те, что бороздят местные моря, а с учетом идей и технологий, которые я принес из своего мира. Нет, на атомоходы я не замахивался, и даже до винтовых пароходов дело еще не дошло, но... Правда, нужного мне человека я нашел еще до своего путешествия и убедил корабела работать на моей верфи.

Настоящая причина моего визита в Гостледер была несколько иная: очень уж хотелось удивить Яну свадебным подарком. Вполне подошла бы и ривьера из фениксов, но, как говорится, что сделано — то сделано.

Подарок был моей головной болью. Чем можно поразить девушку, выросшую в императорском дворце? Я уж было совсем отчаялся что-либо придумать, когда как нельзя кстати случайно услышал об одной вещи. И мне очень захотелось достать эту самую вещь, которая могла бы стать почти идеальным подарком для моей любимой.

Для встречи с человеком, через которого я мог бы выйти на вещь, я и отправился в Монтарно. Обидно, что посредника я найти так и не успел, оказавшись вместо этого на борту катласа. И теперь, оценивая ситуацию, я все больше приходил к мысли, что это была подстава. Если бы я сумел захватить капитана «Любимца судьбы» в заложники, мне удалось бы убить сразу двух зайцев: спасти Прошку и выяснить, что

да как. А теперь оставалось только гадать: случайно ли я попал на катлас, был ли это чей-то заказ, или сошлись какие-то другие обстоятельства...

Я еще раз проверил состояние кремней на обоих стволах, насыпал на полки пороху, закрыл их и тщательно завернул пистолет в кусок просмоленной парусины.

Вот он, следующий этап в развитии огнестрельного оружия — «Уродец». Нет, сейчас он не «Уродец» и даже не «Последний шанс», а «Спаситель». Не будь его, легко представить, чем бы все закончилось на борту «Любимца судьбы».

Пистолет и вправду выглядел уродцем: никакого изящества линий, так, грубый кусок металла. Мой ювелир, Альбрехт Гростар, наотрез отказался заниматься дизайном оружия. Нет, он настоящий мужчина и при необходимости сможет защитить своих близких, вот только вдохновения ему работа с оружием не приносит, не его это, так он и заявил. Конечно, я мог бы настоять, но зачем давить на человека, толку от этого обычно бывает ноль.

Я злорадно ухмыльнулся, вспомнив, как отомстил ему, пусть и совсем за другое. Все началось с того, что я приехал к Гростару с намерением отблагодарить за одно дело. Не так давно, когда я был твердо убежден, что покидаю Империю навсегда, я оставил ему кошель, полный фениксов — баснословно дорогих самоцветов, предложив использовать их по своему усмотрению. Так вот, этот негодяй изготовил из них потрясающее ожерелье — ривьеру — и преподнес украшение от моего имени Янианне, с которой, как мне тогда казалось, мы расстались навсегда.

В ответ на слова благодарности Альбрехт заявил, что камни всего лишь попали туда, где им и следовало быть, на прелестную шейку императрицы. В моих словах нет нужды, но если я помогу решить ему одну проблему, он будет сам бесконечно мне благодарен. Я с радостью ухватился за возможность отплатить добром за добро.

А проблема заключалась всего лишь в ничтожных десяти тысячах золотых имперских крон, на которые он хотел бы построить обсерваторию, поскольку всерьез решил заняться астрономией. Вот во что вылилось его увлечение оптическими приборами. Причем просил он деньги не то чтобы насовсем. Гростар хотел вложить капитал в очень выгодное дело,

которое в скором времени принесет солидный доход. Тогда он сможет вернуть мне эту ничтожную сумму, причем с серьезными процентами, а на оставшиеся деньги воплотит свою мечту в жизнь. Глаза у него при этом были слишком уж смеющимися.

Мерзавец, наверняка он научился этому у Анри Коллайна, пока я был в отлучке. Быстро они между собой спелись, сорище негодяев. И произошло это тогда, когда до моей свадьбы с Янианной оставалось меньше двух месяцев и когда я считал чуть ли не каждый медный грош!

Мне пришлось ему пообещать подумать над этим всерьез.

На следующий день я заявился к ювелиру домой. Когда мы прошли в его кабинет, я открыл принесенный с собой кофр и начал извлекать оттуда необходимые для мести предметы: стеклянную пирамидку высотой с ладонь, кинжал с вычурной ручкой, выполненной в виде нагой девы, маятник и, наконец, небольшую трубу, обтянутую черным шелком. Распахнув настежь окно, я расположил пирамидку в одном из углов кабинета, пристроив ее на большие напольные часы с боем. Маятник занял место в другом углу комнаты, а кинжал я безжалостно воткнул в бюро, надо прямо сказать, весьма дорогое. Гростар с любопытством наблюдал за моими действиями, устроившись в глубоком кресле.

Затем настала очередь свитка, который я бережно достал из того же кофра, начав заунывно читать вполголоса на незнакомом ему языке. Потом пришло время и самой трубы. Посмотрев сквозь нее на свет и прокрутив несколько раз вокруг оси, я отложил трубу в сторону, поправил пирамидку, сильнее раскачал маятник. Затем, снова заглянув в трубу, удовлетворенно кивнул головой.

— Магия, — заявил я ошеломленному моими действиями Альбрехту, — очень древняя и очень сильная. Называется рефракцией. Извольте взглянуть.

С этими словами я протянул трубу Гростару. Тот недоверчиво взял ее в руки, а отбирать ее пришлось уже силой. Не надо и говорить, что зрелище потрясло ювелира. Он не сводил с трубы глаз, когда я, размахивая ей, вещал:

— Вы обратили внимание, Альбрехт, на то, что узоры не повторяются. Так вот, для того чтобы они все же начали повторяться, потребуется пятьсот миллионов лет. Да, да, вы не

ослышались, именно такой срок. И это при условии, что вы будете крутить трубу со скоростью десять оборотов в минуту.

Вот же ляпнул так ляпнул, местный год несколько длиннее земного. Это на Земле пятьсот, а тут вполне может быть на добрые десять миллионов меньше. Ничего, долго же ему придется проверять мои слова. Все остальное правда, при условии, что в калейдоскопе будет двадцать бусинок и осколков цветного стекла. Помню, я сам поразился, прочитав такой факт.

— Представляете, сколько новых идей может извлечь из этого магического прибора ювелир! Поистине бесценное приобретение.

Гростар продолжал меня слушать, даже не пытаясь закрыть рот. Я переложил калейдоскоп в левую руку и отвел ее далеко в сторону. Затем произвел обратную манипуляцию. Бедный Альбрехт, как сомнамбула, переводил свой взгляд из стороны в сторону.

— Сам я приобрел это чудо за двадцать тысяч, но вам уступлю всего лишь за один щелчок по тому месту, которое вы считаете вместительным своего ума. После этих слов я снял с трубы ткань, развернул плотную бумагу и высыпал на стол перед его носом стекляшки, бусинки и полоски зеркал. — И не забудьте внимательно прочитать заклинание, — заявил я на прощание.

Заклинание было необходимо, потому что в нем я написал примерно следующее: «Я, Альбрехт Гростар, клянусь никогда не морочить голову серьезным людям, особенно в совершенно неподходящее для этого время. Кроме того, обязуюсь изготовить эту штуку в подарочном исполнении, заменив осколки стекляшек и бусинки жемчугом, лалами, яхонтами, диамантами и всякими смарагдами».

Янианне калейдоскоп очень понравился, и она даже взяла его с собой на какое-то важное заседание. Время от времени Яна заглядывала в него, когда думала, что на нее никто не обращает внимания. В конце концов кто-то все же отважился поинтересоваться, что же такое рассматривает ее императорское величество. В итоге заседание было сорвано.

Калейдоскопы сразу же приобрели бешеную популярность. Поэты слагали о них стихи, а ученые писали научные работы. Словом, произошло все то, что когда-то случилось и

на Земле. Скоро они и здесь станут детскими игрушками, но до этого еще долгие десятки лет.

А Гростар был мною позорно посрамлен, хотя это и осталось между нами. Я никогда не напоминал ему об этом событии, лишь изредка называя его магическим магистром...

С револьвером все вышло иначе.

Как когда-то и обещал, Коллайн нашел мне мастера Гобелли, одного из лучших оружейных мастеров Империи, лет пять назад ушедшего на покой. Он проживал на побережье недалеко от Гроугента в небольшом имении. Оружейник принял меня в своем кабинете, и я сразу решил взять быка за рога, поинтересовавшись, где могу продемонстрировать опытный образец оружия нового поколения.

Гобелли любезно распахнул одно из окон кабинета, ведущее в сад, и указал на стоявшее метрах в десяти высохшее дерево. Ствол дерева был в весьма плачевном состоянии, вероятно, по той простой причине, что его с завидной регулярностью наспиговывали свинцом. Я зарядил каморы барабана патронами, встав так, чтобы оружейнику было хорошо видно мое занятие, затем взвел курок и выпустил все шесть пуль в бедное растение.

Револьвер был выполнен по самой простейшей схеме: рама его не переламывалась и барабан не откидывался в сторону. В этом случае зарядание, как и экстрагирование гильз требовало больше времени, но повышалась общая надежность. Схема полностью соответствовала нагану. Когда-то в царской России изготавливались два варианта подобного оружия: солдатский и офицерский револьверы. Офицерский считался самовзводом, то есть при нажатии на спусковой крючок проворачивался барабан и взводился курок... В солдатском варианте необходимо было взводить курок для каждого выстрела. Технологически они были практически равнозначны, а разница между ними была сделана лишь из-за убеждения в том, что самовзводный вариант в руках нижних чинов приведет к повышенному расходу боеприпасов.

Мой «Уродец» был изготовлен по самовзводной системе и от нагана отличался только тем, что имел шесть камор в барабане и действительно уродский вид. Калибр у него был... черт его знает, какой, но мизинец входил в ствол до первого

сустава. А количество камор пришлось уменьшить из-за довольно низкого качества металла.

Всего изготовили четыре экземпляра, из которых произвели по пятьдесят выстрелов. Один револьвер «погиб» из-за плохой обтюрации, один остался в Стенборо, моем имении, которое я когда-то замыслил превратить в центр инновационных технологий. Еще один экземпляр я подарил Коллайну, страстному любителю огнестрельного оружия, ну а с последним заявился к Гобелли...

Кабинет наполнился дымом. Мой химик Капсом все еще не мог сделать порох бездымным, хотя и находился на верном пути. Правда, шел он по нему уже достаточно давно. Когда дым немного рассеялся, я вопросительно посмотрел на оружейника.

— Впечатляюще, — произнес тот, хотя лицо его оставалось совершенно невозмутимым. — И что вы хотите от меня?

Вместо ответа я извлек двустольный пистолет с кремневым замком и положил его на стол рядом с «Уродцем». Получилось очень наглядно, но дело даже не в том, что уродство револьвера в сравнении с работой мастера стало еще очевидней. Пистолет имел очень интересное решение кремневого замка, что говорило о Гобелли как о талантливом инженере.

— А, «Марта», — заявил Гобелли, увидев его. — Как он вам достался?

Заметив мой недоумевающий взгляд, он пояснил:

— Это одна из моих последних работ, и я назвал ее «Мартой».

Что ж, теперь и мне нужно было ответить:

— Пистолет мне подарила одна замечательная женщина. И я бесконечно благодарен и ей, и создателю оружия.

Мне удалось сполна расплатиться за подарок Аманды, но рассказ сейчас не об этом.

Я прошелся по кабинету, все еще напоминавшему из-за порохового дыма оружейную мастерскую:

— Маэстро, вы мне нужны. Недалеко от Дрондера у меня есть имение. Так вот, я мечтаю собрать там лучшие умы Империи. Нет, не талантливых математиков или великих философов, а именно практиков. Таких на данный момент в Стенборо около двадцати человек. Не сомневаюсь, что в имении вам будет очень интересно. Только скажите, что вам нужно,

и я постараюсь выполнить это незамедлительно. Титул, золото, дюжину молоденьких наложниц... Все что угодно.

Гобелли, сухой высокий старик с глубоко запавшими глазами, дребезжаще рассмеялся:

— Хочу быть герцогом, господин де Койн.

— Нет, мастер, герцогом я вас сделать не смогу. — И я с сожалением развел руками. Всему есть свой предел. Бароном, быть может, даже графом получится. Надеюсь, я смогу уговорить Янианну. Гобелли — дворянин и весьма известная в Империи личность. Но чтобы сразу герцогом...

Гобелли рассмеялся вновь:

— Не нужен мне герцогский титул. Поверьте, я уже не в том возрасте, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

Говоря это, он рассматривал револьвер. Чтобы разобраться в конструкции оружия, ему не потребовалось и пары минут. Причем мне даже не пришлось ничего подсказывать. Он внимательно рассматривал механизм, что-то неслышно бормоча себе под нос. Мне удалось расслышать лишь одну его фразу:

— Господи, как все просто. — При этом Гобелли посмотрел на меня.

Я развел руками: увы, все это не моя заслуга.

А затем у нас пошел замечательный разговор, закончившийся далеко за полночь:

— Вот тут вы не правы, маэстро. Такое вполне устранимо. Достаточно «обрядить» ствол в водяную рубашку — и все проблемы с теплоотдачей будут решены. Вот, посмотрите на рисунок.

— В водяную рубашку, говорите? А ведь верно...

Чуть позже уже он пытался убедить меня в своей правоте:

— Полноте вам, господин де Койн. Зачем все усложнять? Не проще ли будет сделать шептало чуточку длиннее?..

Устройство и преимущества унитарного патрона он понял мгновенно. Да и неудивительно: это я обычный человек, нахватавшийся обрывков чужих знаний. Он же мастер, маэстро.

— Понимаете, господин Гобелли, я думаю, что проблема с бездымным порохом будет решена в ближайшее время, — заявил я с уверенностью, которую совсем не испытывал. Не знаю почему, но у Капсома с этим вопросом определенно не ладилось.

Гобелли поставил на стол тигель, насыпал в него немного мелкого серого порошка и поднес лучинку, зажженную от свечи. Комната озарилась яркой вспышкой, поднявшей к потолку слабую струйку дыма.

Гобелли победно посмотрел на меня и сказал с улыбкой:

— Что вы там говорили о дюжине молоденьких наложниц?

От воспоминаний меня отвлек звонкий голосок Мириам:

— Ваша светлость, похлебка готова.

Не очень-то я сейчас похож на его светлость. С заплывшим глазом, босой, с распухшим лицом и плохо застиранными пятнами крови на белой рубашке.

Похлебка удалась на славу. За ужином мы вели неспешный разговор.

— Так, — произнес я голосом, от которого Мириам непроизвольно съежилась. — Ты зачем его развязала? Я же велел тебе ударить капитана по голове, если он начнет шевелиться.

Девушка съежилась еще больше:

— Я и ударила...

— А он что?

— А он открыл глаза.

— А развязала-то зачем?

— Он сказал, что если я этого не сделаю, то он привяжет к моей ноге веревку и выкинет меня за борт. А чтобы акулы сразу почуяли кровь, сначала отдаст меня команде.

Сейчас Мириам представляла собой сплошной комочек. Я погладил ее по голове, на что она ответила мне робкой улыбкой. Мне не в чем винить тебя, девочка. Далеко не каждый мужчина нашел бы в себе мужество отказать этому человеку в его маленькой просьбе.

Немного помолчали, отдавая должное весьма недурственной ухе.

— Ваша светлость, а куда вы меня теперь денете? — наконец поинтересовалась Мириам.

— Замуж отдам, — не задумываясь, ответил я.

— Замуж? — поперхнулась девушка. Затем, немного помолчав, осторожно поинтересовалась: — За кого замуж?

— Вот за Проухва и отдам, — снова не замедлил я с ответом.

Мириам посмотрела на Прошку, повела плечиком, пару раз хлопнула ресницами:

— Проухв, возьмешь меня замуж?

Теперь поперхнулся Прошка. Вообще-то, как я уже успел заметить, он дышал в ее сторону не слишком ровно. Определенно, Мириам ему очень понравилась.

— Не сейчас, конечно, — пришлось успокоить обоих. — Через пару лет. Подрастешь, ума наберешься...

Мириам разочарованно вздохнула:

— Через пару лет мне будет девятнадцать. Все приличные девушки к этому времени давно уже замужем и детишек имеют... — И она опять тяжело вздохнула.

На этот раз поперхнулся я. Через два года девятнадцать лет? С другой стороны, когда в каюте она, голая, метнулась к своей одежде, на ребенка она явно не была похожа. Мириам, уловив мой взгляд, вспыхнула, видимо тоже вспомнив об этом.

Снова помолчали пару минут. Затем девушка невинно поинтересовалась:

— Ваша светлость, а спать мне с моим женихом ложиться?

Прошкина рожка стремительно покраснела.

Проухв, да что с тобой? Если я сейчас поставлю тебя вон на тот мысок, то твое лицо вполне сможет служить маяком, предупреждая корабли об опасности. Никогда бы не подумал, что такая невинная шутка так тебя смутит.

Насколько я знаю, с женщинами у Прошки проблем никогда не было: Проухв им нравился. Еще бы, высоченный плечистый парень, пусть и с несколько простоватым лицом. Неужели Мириам ему настолько приглянулась?

Тут я вспомнил очередность, согласно которой мы поперхнулись, и сообразил, что краснеть пришла моя очередь. Ага, не дождетесь.

— Прошка, нарежешь розог и замочишь их в море. Будем твою невесту воспитывать.

Я рассчитывал, что Мириам испугается, ведь говорил-то я с самым серьезным выражением лица. Сейчас.

Мириам звонко рассмеялась:

— Прошка-букашка, Прошка-букашка.

Наконец ей удалось объяснить, что слово «прошка» означает «букашка» на каком-то знакомом ей наречии.

Ничего себе булашка. Проухв и так поперек себя шире, что при его росте смотрится очень внушительно, а в кирасе и вовсе достигает ужасающих размеров.

Перед сном я размышлял о наших дальнейших действиях. Пойдем на шлюпке вдоль берега, чтобы в случае опасности можно было отойти от него подальше или, смотря по обстоятельствам, высадиться на него и скрыться в лесу. Лес здесь густой, настоящая сельва, спрятаться будет легко.

На побережье обязательно отыщется селение. Доберемся до него — тогда и будем решать, что делать дальше. Да и не должны мы были далеко удалиться от Гостледера, еще и суток не прошло.

Утром я проснулся от громкого шепота Мириам:

— Прошечка, булашечка, разведи костер, я замерзла.

Проухв сонно зашевелился, и она зашикала:

— Тише, тише, господина разбудишь.

— Прошка, — позвал я.

Тот мгновенно вскочил на ноги.

— Да, ваша светлость?

— Ты розги вчера замочил? Так неси их сюда.

И тот поплелся за розгами. Ну нельзя же так, Проухв. Я же шучу, и даже Мириам понимает. Но ведь прикажи я тебе высечь ее, и ты сделаешь это, и вовсе не из-за страха передо мной. Порой я жалею тебя из-за твоей потрясающей наивности и в то же время горжусь твоей преданностью.

Прошка вернулся без розог. Надо же, наверное, сейчас скажет, что их прибором унесло.

— Ваша светлость, шлюпка исчезла, — сообщил он с таким видом, как будто сам был в этом виноват.

Глава 3

БОГИНЯ ВЕТРОВ

Шлюпки на берегу действительно не оказалось. Осталась только ровная канавка в песке от ее кия, уходящая в море. Прибором унести шлюпку не могло, шторма ночью не было тоже. И потом, я достаточно надежно привязал ее к толсто-

му, выступающему из земли корню какого-то дерева. Сначала я положил выбленку, затем штыковой узел, а уж после всего этого рифовый узел. Словом, подстраховался. Так что случайно развязаться точно не могло. Кроме того, мы почти полностью вытащили шлюпку за линию прибора.

Следы! Ну, что мы тут имеем? Так, это отпечатки маленьких ступней Мириам, размером с мужскую ладонь. Вот здесь она сидела на поваленном стволе пальмы, дожидаясь, пока Прошка перенесет вещи из шлюпки. Это Прошкины следы, оставленные огромными, почти гигантскими подошвами его ботфорт. Он перетащил все за две ходки, явно бахвалясь перед девушкой своей силой. А тут топтался я, изображая вооруженное охранение и оставив после себя отпечатки босых ног изящного сорок четвертого размера. Все. Больше ничего нет. Только цепочки птичьих перепончатых лапок. Шарادا.

Мой блестящий план рухнул как карточный домик. А как все было славно задумано! Я хотел посадить Мириам на румпель, Прошка взялся бы за весла. Он бы греб, играя мускулами перед понравившейся ему девушкой, и его совсем не брала бы усталость. А сам я скромно расположился бы на носу шлюпки, зорко высматривая неведомые опасности. Потом мы отошли бы от берега, поймали попутный ветерок, поставили паруса... И всего этого уже не будет.

Теперь без шуток. Проухву больно сидеть по понятным причинам и больно будет еще достаточно долго. Две раны на его филейных частях оказались достаточно серьезными, да и множество мелких порезов давали о себе знать. Вчера Прошка старательно не поворачивался тылом к Мириам, даже кушал он стоя. Пришлось с ним поговорить, потому что он категорически отказывался от того, чтобы девушка осмотрела и обработала ему раны.

— Я, конечно, могу тебя перевязать, — сказал я ему с самым серьезным видом. — Но после этого мне придется тебя убить, потому что рано или поздно ты проболтаешься, что я перевязывал твою задницу.

Прошка понятливо кивал головой, а подслушивающая Мириам безуспешно пыталась сдержать смех, уткнувшись лицом в ладони.

В конце концов раны обрабатывала девушка. Представляю себе Прошкины муки. Напоследок Мириам чмокнула

его в макушку и что-то сказала, после чего Прошка в очередной раз густо покраснел. Я не расслышал всей фразы, но определенно последние слова в ней были: «Очень симпатичная».

Но все это мелочи. Самое противное в этой ситуации то, что теперь я даже теоретически лишаюсь всяческих шансов успеть на собственную свадьбу. И если вчерашним вечером они еще имелись, то теперь все, абзац. Полный и окончательный. И с этим необходимо свыкнуться. Тут я в очередной раз вспомнил, что когда-то курил, и в очередной раз пожалел, что местные жители об этой дурной, но иногда такой необходимой привычке даже не ведают. А еще мне не помешал бы сейчас бокал-другой бренди, чтобы успокоить дух и вернуть ясность мысли. Но нет его у меня ни капли, все запасы остались на борту «Лолиты». А сама «Лолита» в Гостледере, морском порту Монтарно, и я очень надеюсь, что она еще не ушла. Нет, такое вряд ли произойдет, команда по меньшей мере месяц будет дожидаться блудного хозяина, пытаюсь обнаружить следы моей пропажи.

Теперь придется идти пешком по практически непроходимой сельве, чтобы выйти на какое-нибудь селение, где можно будет пристроиться пассажирами на любом из попутных судов до Гостледера. О том, что у меня при себе нет денег, я не волновался. Расплачусь по прибытии, и поручкой тому будет мое слово, его вполне достаточно.

«Лолита» была моим недавним приобретением, трехмачтовым критнером, кораблем, напоминающим земной корвет — такие же обводы корпуса, те же три мачты с полным прямым вооружением.

Обычно корабли строят под заказ, так было и в этом случае, и мне очень повезло, что заказчик внезапно отказался от своего намерения его приобрести. Купцу предстояло выплатить судостроителю огромную неустойку, поэтому он срочно искал покупателя, и тут весьма кстати подвернулся я. Не стал я искать для себя выгоды в его стесненных обстоятельствах, тем более его отказ от покупки не был сиюминутной блажью.

Крилл Броунер, крупный купец, владелец весьма немало-го торгового флота, решил, что вполне может осуществить мечту всей своей жизни — построить корабль для души. Да и

дела настоятельно требовали его присутствия в нескольких крупных портах, как имперских, так и сопредельных стран.

Начинал он в далекой юности практически с нуля, приобретя в складчину немалой ветхости двухмачтовую посудину. Затем Броунер ее выкупил, через некоторое время продал, приобрел другой корабль, не в пример более новый, за ним следующий, и в итоге мог похвастать десятью судами. Точнее, мог похвастать до недавнего времени. Не так давно в один миг он потерял целых три корабля, причем два из них везли попутный груз, ему не принадлежащий. Местного Ллойда здесь до сих пор не нашлось, так что груз не был застрахован и расплачиваться за него пришлось самому купцу.

Знал я Броунера давно, ведь он являлся основным поставщиком какао для «Торгового дома де Койна». Нашел купца Герент Райкорд, управляющий моим торговым домом, да и всем остальным-прочим. Вот Герент и сообщил мне о ситуации, возникшей у Броунера. Мы как раз сидели с бокалами бренди, которого мне сейчас так не хватало. Есть, конечно, и другой способ вернуть душевное равновесие, и ничуть не хуже. При этих мыслях я посмотрел на Мириам.

Мы обменялись с Мириам взглядами, как только оказались на берегу. «Советую тебе обратить внимание на Прошку. И чем лучше ты будешь относиться к нему, тем лучше я буду относиться к тебе», — попытался я внушить ей мысль. Мириам отлично все поняла. Неглупая девчонка и весьма симпатичная. Так что, по всей видимости, быть тебе, Проухв, дворянином и бароном.

С недавнего времени самая большая страшилка для Прошки — моя угроза присвоить ему благородное звание. Как-то в шутку я заявил, что, поскольку он постоянно находится при мне, то придется ему стать дворянином — негоже мне ронять свой статус. От таких слов Проухв впал в глубокую задумчивость. На следующий день он подошел ко мне, пару минут помялся, что для него вполне обычно, и наконец спросил:

— Ваша светлость, может, как-нибудь по-другому можно сделать?

Сначала я даже не понял, о чем он толкует. Как оказалось, Проухв панически боялся, что я действительно сделаю

его дворянином. Расхрабрившись, он привел тысячу доводов в пользу того, что ему никак нельзя становиться благородным. Среди этих доводов были и такие, что нужно разговаривать умными словами и даже уметь танцевать. Тогда я успокоил его, сказав, что годик еще потерплю, на что он облегченно вздохнул.

Да уж, не понимает человек шуток, над ним даже подсмеиваться неинтересно, все за чистую монету принимает. Вот женю их, и тогда Мириам быстренько мозги ему вправит. А женить Прошку придется: не могу же я, почти женатый человек, холостяка при себе иметь. Оценив по-настоящему Мириам, я решил, что из нее получится вполне симпатичная баронесса...

Так вот, когда я увидел критнер в первый раз, у меня даже дух перехватило, настолько он был прекрасен. Мы стояли на возвышенности вместе с Герентом и Броунером, когда из-за одинокой скалы, высившейся посреди водной глади Тускойского залива, показался корабль. Темно-синий низкий корпус безо всяких надстроек на корме и носу, почти белоснежные паруса на трех высоченных мачтах, белая полоса вдоль орудийных портов (их было восемь на каждом борту). Красив он был, очень красив, мой будущий корабль.

Да уж, дорогую игрушку решил себе позволить на старости лет Броунер. Не так давно я сам долго скреб себе подбородок, собираясь с духом, пока наконец не решился: беру.

Купец с грустью смотрел на бумаги, когда пришло время их подписать. И вид у него был самый печальный. Он мне нравился, Крилл Броунер, человек, сделавший свое состояние, не сидя в конторке. Да и не был он похож на страдающего лишним весом купца, скорее он выглядел как капитан одного из своих кораблей: дубленое лицо, прорезанное многими морщинами, глаза, много повидавшие за долгую жизнь. Даже немного неудобно было приобретать его мечту...

Но расставались мы весьма довольные. Броунер радовался, что так легко и быстро нашел покупателя, несколько не потеряв при этом в цене. Да и я выглядел вполне счастливым человеком — критнер меня чрезвычайно впечатлил.

Вооружение его составляло шестнадцать длинностволь-

ных кулеврин, которых было более чем достаточно, поскольку основной их целью являлась борьба с рангоутом и такелажем вражеского корабля, а не нанесение противнику смертельных повреждений. На баке было установлено два погонных орудия, а два ретирадных орудия были нацелены в море за кормой.

Чтобы вести круговой обстрел, имелось еще несколько фальконетов, в том числе на мостике. Они были нужны на всякий случай, для стрельбы картечью в упор.

Тогда я еще подумал, что, как только моя собственная верфь заработает в полном объеме, Броунер будет первым, кому я предложу гафельную шхуну, до которых в этом мире еще добрых пару столетий. Он оценит ее грузоподъемность, легкость в управлении парусами и то, что людей для ее обслуживания нужно значительно меньше.

Сразу после покупки корабля возникла необходимость дать ему имя. Не знаю почему, и даже самому себе объяснить такое было сложно, но при взгляде на корабль мне в голову сразу приходила ассоциация с молоденькой девушкой, почти девчонкой. Той, что вошла в возраст экспериментов с собственным телом, когда уже все хочется знать, но еще страшно-вато. Казалось бы, чего общего с почти боевым кораблем (первоначально критнер именно для таких целей и создавался, и лишь потом в него внесли кое-какие изменения).

— «Лолита». Назову корабль «Лолитой», — решил я. — И черт бы меня побрал, если я смогу хоть как-то объяснить логику своего поступка.

Оставалось решить вопрос с рострой. На носу корабля я хотел бы видеть красивую фигуру расцветающей девушки, и никакие одеяния не должны были ее скрывать. Вся сложность заключалась в том, что этические стандарты Империи требовали, чтобы как живые женщины, так и их изображения были полностью одеты. А учитывая то обстоятельство, что длина женских подолов неизменно достигала земли, все это ставило передо мной довольно трудную задачу.

Обычно, если мне на ум приходила очередная блажь, меня всегда выручал Гростар. Вот к нему я и направился. Альбрехт поначалу встретил меня настороженно, увидев в моих руках тот же кофр, что и в прошлый визит. Надо сказать, на-

стороженность в его глазах была в немалой степени перемешана с любопытством: а вдруг там что-нибудь интересное?

Но ничего сверхинтересного в кофре не оказалось, лишь акварельные наброски моей красавицы — нет в этом мире еще фотоаппаратов. Акварели выполнил один из моих недавних знакомых, друг моего друга, молодого талантливого скрипача по имени Эрариа. Художник творил в духе сурового реализма. Однажды, тщательно изучив этот вопрос, я с удовлетворением отметил, что до всяких там импрессионизмов, сюрреализмов и прочих абстракций попросту не доживу. Казалось бы, мелочь, но было весьма приятно.

Гростар взялся за работу, уверив меня в том, что ростра будет выглядеть как девушка его мечты. Он вскользь заметил, что в его жизни был период увлечения резьбой по дереву, и, кроме того, ему известен секрет пропитки древесины особым составом, после чего изделие не будет бояться ни сырости, ни соли, ни чего-либо еще.

Когда я уже выходил из его кабинета, Гростар остановил меня словами:

— Господин де Койн, а какая у девушки должна быть грудь?

Я непроизвольно развел руки с разжатыми пальцами, посмотрел на одну кисть, потом на другую... Как же объяснить... нет здесь размеров женской груди: ни третьего, ни пятого, ни нулевого. Затем я обратил внимание на абсолютно серьезного Альбрехта, глаза которого лучились весельем, чертыхнулся про себя и закрыл дверь.

— Вот же умище! — думал я уже дома, глядя на себя в зеркало. — Надо же так ловко придумать!

И мне действительно было отчего гордиться собой. Как оказалось, Лолита в местном пантеоне древних богов являлась богиней ветров. И пусть, согласно легендам, она и сама весьма ветренная особа, но ведь такое простительно не только богиням. И дело вовсе не в ее легкомысленности. Что самое важное и необходимое для парусника? Конечно же ветер!

Фигура девушки, выполненная Гростаром, мне очень понравилась. Красивая такая фигура, с озорным выражением лица и растрепанными из-за сильного ветра волосами. Ветер так сильно прижимал платье к ее телу, что не сразу можно было понять, одета ли она вообще. И краски мастер очень

удачно подобрал, а на место глаз вставил удивительные камни изумрудного цвета.

Ростра понравилась мне настолько, что я даже подумывал, не заказать ли еще одну такую же. Так и не решив, куда ее поставить, я с сожалением отказался от своего намерения.

Странно, но формы носовой фигуры удивительно напоминали сложение моей любимой. «К чему бы это?» — подумал тогда я, вспоминая слова Альбрехта о девушке его мечты.

«Лолита», моя девочка, ждала меня в Гостледере, и мне было просто необходимо туда добраться.

Глава 4

МУИМБУС И МБАКА

Сборы заняли долгие полдня. Двигаться придется пешком, строительство плота абсолютно бессмысленно. Во-первых, на это уйдет много времени, а во-вторых, заставить плот двигаться в нужном направлении — занятие в достаточной степени безнадежное.

Идти босиком по местным джунглям было бы крайне глупо. Обувь же имелась только у Проухва. Не сомневаюсь, что он с легкостью лишился бы ее, вот только размер его ноги настолько велик, что среди экипажа катласа просто не нашлось желающих примерить его ботфорты.

Я с тоской вспомнил о своих сапогах. Легкие, прочные, удобные, да еще и пошиты одним из лучших сапожников столицы. К слову, за своей внешностью и одеждой мне приходилось следить с особой тщательностью, в основном по причине обращенных ко мне удивленных мужских взглядов, будто вопрошающих: «И что она нашла в тебе, чего нет во мне?»

С женщинами проще. Они-то как раз считали: «Если она без ума от него, значит, на то есть причины». И так рассуждали почти все, кроме особ, которые имели подходящих по возрасту и положению родственников мужского пола. Вот эти-то особы могли как бы невзначай заметить, что с моей внешностью, не совсем соответствующей дворцовому эталону, что-то не так. Заметить таким образом, что Янианна могла услышать. Такое напрягало.

Прошка все порывался стянуть с себя ботфорты и отдать

их мне. Ага, сейчас! У меня из атрибутов, необходимых для вхождения в образ Кота в сапогах, только шпага имеется. Но его сапожищи пригодились. Из кожи, пошедшей на их голенища, с помощью иглы для штопанья паруса удалось смастерить две пары вполне приличных пинеток для меня и Мириам.

Взять ли с собой «Уродца», я раздумывал недолго. С одной стороны, таскать с собой кусок бесполезного железа почти в килограмм весом особого смысла нет. Конечно, в моей каюте на «Лолите» хранилась пара дюжин патронов для него, так туда еще добраться нужно. Но если посмотреть на ситуацию с другой стороны, лишь благодаря револьверу мы и остались живы. Так пусть он при мне и останется в качестве амулета, талисмана или оберега нашей удачи. Поэтому я засунул револьвер в вещевой мешок, пошитый расторопной Мириам из паруса.

Я достаточно ясно представлял себе местность, где мы оказались. Пробираться пешком вдоль побережья было лишено всякого смысла. Места пустынные, и если верить карте, вернее, моей памяти, то вблизи никаких селений не было. Отметки глубин были, несколько песчаных банок и подводных скал — тоже, но не более того. Я не изучал карту этой местности специально, так, пробежался по ней взглядом на подходе к Гостледеру, будучи еще на кринтнере, больше из любопытства, но кое-что в голове задержалось.

Сейчас нам необходимо идти на юго-запад, это поможет значительно сократить расстояние до ближайших поселений. Затем на попутном корабле нужно пересечь Манойский залив, следуя строго на запад, поскольку Гостледер расположен на самой оконечности Эдуйского полуострова, уходящего далеко в Плиманское море.

В путь мы отправились сразу после обеда, состоявшего из пары сухарей на всех и остатков вчерашней ухи. Накануне Прошка наловил так много рыбы, что часть ее даже пришлось оставить на месте нашей стоянки.

Впереди шел я, вооруженный двуствольным пистолетом и шпагой, за мной следовала постоянно что-то напевающая Мириам, которая несла на плече узелок на палочке. Замыкал скромную процессию Проухв, похожий на груженого верблюда из-за многочисленных громоздящихся на нем свертков и узлов.

Поначалу все было хорошо, путь пролегал среди кокосовых пальм, росших на песчаной почве. И, хотя ноги проваливались почти по шиколотку, двигаться было легко. Затем местность пошла в гору, мы преодолели невысокий холм, а дальше начались джунгли. Настоящие джунгли, где шагу нельзя пройти без пары добрых ударов мачете. Одурачивающая духота, мириады москитов, липкий пот и паутина, норовящая прилипнуть к лицу. Но это было лишь начало, так как впереди нас поджидало чавкающее под ногами болото, кишущее то ли аллигаторами, то ли кайманами, один черт. И препятствие с зубастыми и голодными тварями нам долго пришлось огибать. Когда мы наконец выбрались на сухое место, Мириам повредила ногу острым сучком, который проткнул хлипкую кожаную «обувь». Кровь удалось остановить, наложив тугую повязку, но наступать на ногу девушка не могла.

Мириам так жалобно смотрела на нас, что я даже подумал: «Господи, девочка, да как тебе пришла в голову мысль, что мы можем тебя здесь бросить?»

За время пути я не меньше сотни раз проклял себя за принятое решение идти напрямик. Если и получится сэкономить три-четыре дня, то цена за это будет непомерно высока. Мы устроили привал, разделив ночное время с Прошкой пополам и по очереди сжимая в руках заряженный полуторной дозой пороха пистолет. Всю ночь в темноте что-то ухало, визжало и рычало, заставляя оглядываться по сторонам и бросать в костер очередную охапку хвороста. К утру дрова начали катастрофически заканчиваться, и только внезапно показавшееся светило спасло меня от решения собирать их в крошечной темноте.

На следующий день верблюдов напоминали мы оба. Я — просто вьючного, а Проухв еще и ездового, поскольку ему пришлось посадить Мириам на плечи. Правда, с местностью нам повезло, джунгли уступили место саванне с высокой травой и одиноко растущими деревьями, очень похожими на баобабы.

Мириам быстро освоилась, применяя научный термин, с изменившейся высотой глаза наблюдателя и даже пыталась корректировать направление движения Проухва, крутя его головой или указывая курс рукой.

Прошка шел весь красный, с неестественно вытянутой шеей и высоко задранном подбородком, пытаясь не смотреть на голые смуглые колени Мириам, видневшиеся из-под сбившейся юбочки.

«Привыкай, Прошка, — философствовал я. — Женщина на шее — это бремя всех женатых мужчин. Мне и самому в скором времени придется все это испытать и прочувствовать».

Затем Мириам принялась о чем-то его уговаривать, шепча что-то на ухо и даже целуя в макушку. Внезапно тишину нарушило могучее Прошкино «иго-го», спугнувшее птиц с ближайших деревьев и заставившее затрещать кусты справа по курсу. Я ничком упал в высокую траву и долго не мог заставить себя подняться, а когда, наконец, встал на ноги и посмотрел на Проухва и сидевшую у него на шее с самым довольным видом Мириам, то рухнул снова. А потом мне стало не до смеха. Поднявшись в очередной раз, я обнаружил крайне неприятную картину — нас окружали люди.

Смуглые тела непонятно откуда взявшихся аборигенов были покрыты сложными узорами из красно-бело-зеленых полос, а кудрявые волосы были окрашены в желтый цвет. Люди были вооружены длинными копьями, и выражение глаз туземцев не обещало ничего хорошего. Моя рука медленно потянулась к рукоятке пистолета.

Не такие они уж и дикари, эти люди: наконечники копий металлические, одеты не в травяные юбки, а в носу не торчат украшения из кости. И самое главное, на мой маневр с пистолетом они отреагировали сразу, пригрозив копьем: это лишнее движение, охоломи.

Мириам сползла с Прошкиных плеч на землю, следом, едва не накрыв девушку, упала поклажа. Сам же Проухв встал ко мне спиной, так что Мириам оказалась между нами. Парень повел плечами, как бы разминая их, и перехватил багор в обе руки. Он так и не бросил его за время пути, вооружившись им сразу же после того, как мы причалили к берегу, лишь выстрогал новый черенок — прежний показался ему коротким и тонким. Теперь багор смотрелся очень внушительно, хотя ему было далеко до балота, любимого оружия Проухва, представляющего собой гибрид японской нагинаты и древнерусской совни. Вот так и стояли, глядя друг на друга, мы и повстречавшиеся нам люди.

Затем один из них, широкоплечий крепыш, предложил обмен. Он помахал в воздухе бутылкой, сделанной из грушевидной тыквы, и указал ею на девушку. Я отрицательно покачал головой, надеясь, что жест им понятен, и в свою очередь ткнул пальцем в немалую кучку чьего-то довольно свежего помета, удачно расположенного неподалеку: «Разве что на это». Глаза крепыша мгновенно налились бешенством, а потом он расплылся в белозубой улыбке: «Неужели не страшно?» «Да как тебе сказать? Не то чтобы страшно, попросту неприятно, все так глупо выходит», — пронеслось в голове.

Затем эти люди, как по команде, опустили копья. В голове снова пронеслось: «Вдруг это уловка, чтобы мы расслабились и они смогли избежать лишних жертв?»

Но нет, незнакомцы рассыпались на несколько групп, и одна из них извлекла из ближайших кустов тушу животного, больше всего похожего на крупную газель.

«Камуфляж! — догадался я, внимательно приглядевшись к аборигенам. — Вполне разумное решение — при здешнем климате наносить его сразу на кожу. И расцветка удачная, вон как они сливаются с растительностью, только на открытой местности их и разглядишь».

Дальше мы пару часов следовали вместе с ними, причем не под конвоем, а как бы в составе группы. Солнце уже пряталось за верхушки самых высоких деревьев, когда мы, наконец, добрались до места.

Деревня туземцев состояла всего из пары десятков хижин, крытых связками тростника. Домики возвышались на сваях, хотя до ближайшего источника воды было далековато. Сваи были невысоки, и, чтобы попасть в хижину, нужно было преодолеть всего лишь несколько ступеней.

«Наверное, то, что домишки стоят на сваях, можно объяснить сезоном дождей. Да и снизу хорошо поддувает, вон, пол весь в щелях. А в здешнем климате это немаловажно», — исследовал я предоставленное нам жилище.

Спартанская обстановка хижины совершенно не напрягала. Сплошной ряд лежанок вдоль трех из ее стен и небольшой стол у проема в стене, должно быть, изображающего окно. Вот со столом совсем уж непонятно. Для чего он тут нужен, ведь ни очага, ни посуды нет? Да и окошко, по-моему,